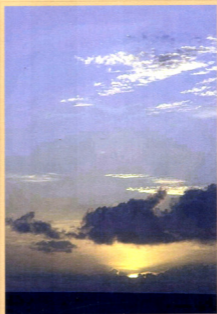

Ваганов Р. Г.

*За облаками
всегда есть солнце.*

СОДЕРЖАНИЕ

Эстонская дивизия	3	
60 лет спустя	Только одна ночь	5
	Бэллочка, полюбите электрика, покуда его током не убило	11
Вы ели сегодня?	13	
Наш депутат	16	
Большой шлем без козырей	24	
«Тополиная» арония	26	
Записки старого «челночника»	28	
Графомашки	40	

*«Никто не знает, что произойдёт
в прошлом у этих русских»*

Маргарет Тэтчер

ЭСТОНСКАЯ ДИВИЗИЯ

Здравствуй, ...

Я думаю, ты знаешь о нелёгкой судьбе Анны Герман, но я всё же напомню: она попала в автокатастрофу, муж погиб сразу, а её, как говорят медики, собрали по кусочкам. В результате она забыла напрочь не только весь свой песенный репертуар, но и музыкальный слух потеряла. Но она была героической женщиной, и начав, по сути, с нуля, смогла вернуться на эстраду.

Я вспомнил об этом потому, что и со мной произошло после травмы и операции нечто подобное. Наркоз, говорят, виноват... Мой вокал тоже пропал, но, сверх того, сильно пострадала, как говорят компьютерщики, оперативная память. С долговременной памятью получше: иногда что-нибудь «такое» и вылезет. Например, вот это - из 1941-го...

Из дальнейшего ты поймёшь, почему именно тебе я хочу рассказать эту историю.*)

10 октября 1941 г. немец взял Орел. Воронежским школьникам было приказано собрать манатки и эвакуироваться, куда кто сможет. Вот таким макаром я 14 октября оказался в эшелоне под названием «пятьсот веселый», который взял курс на восток. Родители до июня 1942 г. оставались в Воронеже.

Путь мой лежал в Камышлов (московские дикторы говорят: «Камышлов») - районный центр Свердловской области, до революции - не менее значительный город, чем Екатеринбург. Там - родительский дом моей матери, и к 1941 году в нем оставались моя бабушка, моя тетка - сестра матери и её муж, Сергей Иванович Комаров, который в детские годы (1927-1933 гг.) заменил мне отца, потому как моим родителям было не до меня: они строили коммунизм.

Добрался я до места назначения не без приключений. Почти на каждой станции меня ссаживали с поезда по подозрению в дезертирстве из рядов доблестной Красной Армии. Еще большие подозрения у бдительных военных комендантов вызывали моё свидетельство о рождении: как же так, родился 15 лет назад, а выглядит на все 18? Не иначе - бумага краденая... Пока все это тянулось, мой поезд иногда уходил... Приходилось догонять.

*) Мать адресата - эстонка

Вот так и получилось, что я увидел родительский дом только 28 ноября, через 1,5 месяца после выезда из Воронежа. Сейчас этот дом в чужих руках.

Там мне предстояло закончить 10-й класс. Ближайшей к нашему дому была 58-я ж. д. школа. Стояла она буквально на ж. д. путях станции Камышлов, на то она и железнодорожная. До ближайшего запасного пути рукой подать. Из окна, у которого стояла моя парта, этот путь был виден, как на ладони. Сейчас в этом здании поликлиника..

Однажды зимним морозным утром на этом пути появились две платформы, едва прикрытые тряпьем. Из под него торчали руки и ноги замёрзших трупов. Для нас, десятиклассников, это был шок. В следующие дни - снова одна-три платформы... Через несколько дней весь город уже знал: это гибнет «эстонская дивизия».

Перед Камышловом (если ехать из Свердловска) есть разъезд Еланский, за которым тогда находился пункт обучения и формирования частей, уходивших на фронт (т.н. Еланские лагеря). (Оттуда, например, ушёл на защиту Москвы лыжный батальон под командованием моего дяди Доната). Там и базировалась эстонская дивизия.

Каким образом она была сформирована и что там происходило, я могу только догадываться. Но для меня несомненно, что это была одна из трагических ошибок командования Красной Армии, которых немало в нашей истории.

Учитывая антисоветские настроения в дивизии, на фронт её не отправляли. В землянках, не рассчитанных на уральскую зиму, а она в 1941 г. была особенно суровой, начались простудные заболевания, сыпняк. Гибель людей довершал голод. Доведённые до крайности, эстонцы восстали.

Косвенно о масштабе этих событий можно судить по тому, что в феврале 1941 г. в наш зачуханный городишко пожаловал не кто-нибудь, а сам Клим Ворошилов: то ли подавлять восстание, то ли делать разнос лагерному начальству. Сам я «полководца» не видел, но его видели люди, которым я доверяю, на перроне Камышловского вокзала. На следующий день по нашей улице проследовала кавалькада таких автомашин, в которых, по моему разумению, могло находиться только очень высокое начальство.

На городском кладбище установлен памятник. На нём надпись: «Эстонцы красноармейцы 1942».

Дальнейшая судьба и вся история эстонской дивизии ждут своего исследователя. Да только я, грешным делом, думаю, что полученные материалы никогда не будут опубликованы, как и это письмо.

С дружеским приветом.....

2003 г., июнь

60 ЛЕТ СПУСТЯ

1. ТОЛЬКО ОДНА НОЧЬ

День как-будто начался неплохо, жаркий июльский день 1943 года в Тюмени. В эти дни на фронте шла Курская битва. Но мы об этом узнали позднее, а пока что по радиорепродуктору возле нашей мастерской передавали новую песню:

...Играй, мой баян,
И скажи всем врагам,
Что жарко им будет в бою,
Что больше жизни
Мы Родину любим свою...

Стараясь не растерять мелодию, я отправился из мастерской в электроцех, где я работал электромонтажником. Мое лирическое настроение погасил Павел Добровольский, наш мастер-киевлянин.

- Пойдёшь дежурным электриком в пятый цех.
- Вот-те раз! А где Вера?
- Заболела Вера, дорогой...

Вера, дежурный электрик пятого цеха, была легендарной личностью. Чтобы проверить, есть ли напряжение 220 или 380 вольт в какой-нибудь электроустановке, она никогда не пользовалась пробником, его заменяли её собственные пальцы. Порой это происходило в каком-нибудь тесном закутке, где и повернуться-то негде: кругом железо, а ей хоть бы хны. .. Глядя на эту Верину «технику безопасности», Саша Иванчук, монтажник из Киева, наставлял меня, салагу: «А ты сам нэ чапай, бо нае...нэ». Саша удивлял меня, да, наверно, и всех других, тем, что здоровался с каждым столько раз в день, сколько встречался. Вот такая необычная форма вежливости...

О, если б вы знали, как мне не хотелось дежурить в пятом цехе, черт бы его побрал! На то у меня были свои причины.

Начну с того, что перевод из электромонтажников в дежурные означал, как сейчас говорят, снижение статуса работника. Электромонтажник должен был уметь всё: он и электрик, и слесарь, и электросварщик, и кузнец, и такелажник, и «столбогрыз», и между прочим, должен был знать кое-что из практики службы спасения.

Всему этому я, 16-летний пацан, учился у мастера и других электриков, эвакуированных из Украины и Белоруссии. Начальником нашего цеха был киевлянин Евгений Кудрявцев, молодой эрудит. Сколько лет прошло, а я до сих пор помню слово в слово в его исполнении романс «Закинув плащ» и остроумнейшую шараду: «Часть первая - удобное турецкое сиденье, часть вторая - лёгкий флирт, всё вместе - находиться в состоянии нерешительности».

Как верно подметил Юрий Никулин, нет неприличных анекдотов, есть неостроумные.

Ещё помню белоруса Ефима Гуло, мастера, но не из нашего цеха, заметно старше меня. Получилось так, что мы с ним одновременно ухаживали за двумя подругами. Про свою Ниночку я расскажу ниже, а его Тамара мне казалась излишне толстоватой. Как-то раз я об этом обмолвился, на что последовал ответ: «Ничего, на х... оправится».

В отличие от электромонтажников, дежурным электрикам достаточно было знать свое электрохозяйство и уметь устранять мелкие неисправности.

Немаловажно было и то, что электромонтажники работали всегда в дневную смену, а пятый цех только что «ушёл в ночь». Пересменка будет аж через месяц... Внезапная смена режима работы была опасной. Охранники на проходной не дремали. 21 минута опоздания - трибунал. Сейчас за большинство зверских убийств наши судьи не дают таких сроков, какие присуждал трибунал за минутное опоздание.

А ещё с пятым цехом у меня были связаны отнюдь не самые светлые воспоминания.

Однажды зимой в 40-градусный мороз, уж не помню точно, зачем, потребовалось залезть на столб у входа в пятый цех, чтобы разобраться с проводами, которые шли в цех и мимо.

Позднее мне не раз приходилось «грызть столбы» и даже раза два в деревне не задаром, но в тот раз это было моё боевое крещение. Ну, сделал я там вверху все, что надо, для чего vareжки-то приходилось снимать. Говорю своему напарнику Валентину (хороший был парнишка, не из блатных): «Иди, скажи диспетчеру, пусть подаёт напряжение». Валентин ушёл.

А я сижу-лежу на проводах: они справа, слева, на руках, на лице, кругом... Осталось совсем немного: расстегнуть карабин пояса, которым я был закреплен на столбе. А он, проклятый, замёрз, а скорее, это мои руки совсем заоченели... Рвал его изо всех сил, но тщетно... Был один момент, когда я сказал жизни: «Прощай!», но, видно, на небесах это не было записано. Это всё я помню, но как очутился внизу, не знаю... Очухался, пришел в цех, смотрю - Валентин развалился на верстаке, насвистывает «Мою отраду». Я поинтересовался у него: «Чего это напряжение не подано?» - «Откуда я знаю? Я говорил, что можно подавать». Меня спасло то, что диспетчер был глуховат.

И уж совсем ничего хорошего не сулила мне встреча с Розой-револьверщицей из пятого цеха. До тех пор я более или менее успешно уклонялся от контактов с ней. Она была совсем не в моем вкусе: низкорослая, коренастая, круглолицая брюнетка.

А мне тогда нравилась стройная Ниночка-блондиночка в голубой кофточке. Но, увы, я оказался не в её вкусе, да и жила она уж очень далеко, «за рекой», - не напровожаешься. Посмотрели мы с ней однажды фильм «Два бойца», и даже не поцеловались, на этом всё и кончилось.

А Розу даже и в кино я не приглашал.

Сейчас вы поймете, почему.

Для этого сначала надо поговорить об обстановке в Тюмени в 1942-1944 гг. и о нашем заводе.

Типичный тюменский контингент - это семейка «моей» Розы: отец, мать, сестра и один из братьев - мотают сроки по уголовным делам. Один из братьев, отсидевший свой срок, верховодил местной шпаной, очень даже заманчиво было через Розу получить его покровительство, «крышу» по-современному. А оно было совсем не лишним. Сейчас, когда я слышу о теперешних проявлениях антисемитизма, я думаю: «Эх, ребята, вас бы на недельку в тогдашний «Теменьград», вот тогда бы вы поняли, что такое истинный антисемитизм». Взрывов, конечно, не было, но не будет вам нигде прохода, если ваш нос не вписывается в тюменский стандарт. Правда, до смерти не забивали, этого при Сталине не было. Это сейчас бритоголовые распоясались, а властям, видно, на это наплевать. А если к носу не придерёшься, всё равно ты эвакуированный, чужой, по фене не ботаешь. А вам, коли охота поботать по фене, читайте «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына - там всё один к одному, как в Тюмени.

Я не знаю, как такая масса уголовников скопилась в этом районном (до 1944 г.) центре. Правда, там были и не только уголовники. Были ссыльные поляки, и те, кому не разрешалось никуда уезжать, и они должны были отмечаться в милиции.

Теперь - более конкретно о нашем заводе № 762. До войны завод «Механик» выпускал чугунное литьё - печки-сковородки, в войну его переквалифицировали на выпуск корпусов мин, к которым как раз в пятом цехе после их обработки приделывались хвостовики.

Но минное дело шло из рук вон плохо. За 1942-1945 гг. на заводе сменилось 11 директоров, но всё без толку. Завод так ни разу и не выполнил план. Основной брак шёл из литейки - там работали зеки.

Мне пришлось там бывать: то лампу под потолком заменить, то ещё что... Не переставал удивляться, как там что-то ещё отливали: тьма крошечная, гарь, дым, дышать нечем. . . - «Ты, фрайер, приходи к нам и покажи, как нужно делать», - примерно так отвечали зеки на агитацию начальства.

Ну, а то, что выходило оттуда, попадало в пятый цех. . .

На этом месте я споткнулся - всё думал, как мне обойтись без технологических подробностей, но не получилось - в них-то всё дело.

Вдоль цеха - колонны, между ними в ряд револьверные станки, над ними на колоннах вдоль всего цеха - короб с железными шинами (сам их когда-то сваривал и монтировал короб). На коробе над каждым станком - шведский пускатель для управления станком.

Вообще большинство мелкого электрооборудования и инструмента на заводе были шведские. Я вот уже 60 лет работаю шведскими пассатижами, равных которым по удобству и надёжности видеть не приходилось.

Подхожу к главному. Станочницы включали-переключали пускатели берёзовыми палками - это как черенки у метлы, но гораздо длиннее. Верхний конец палки - в пускателе, нижний - в кронштейне на станке. Горы этих палок завозились перед началом смены и сваливались в углу цеха.

В тот вечер, когда я заступил в ночную смену (с 8 вечера до 8 утра), палки были, как всегда, на своём месте. Вооружаясь ими, станочницы запускали станки и затаскивали мины. Эти увесистые 120 мм «штучки» не всем девчушкам давались легко, но так или иначе, цех зашумел.

Моя же главная задача, как её сформулировал мастер, была не допустить сбоя в работе участка точечной сварки. Это был самый

узкий участок всего технологического цикла. Три допотопных аппарата - на них точечной сваркой приваривались хвостовики мин - были загружены до предела, и то и дело выходили из строя. А отремонтировать их надо было бы не 17-летнему пацану, как я, а мужику покрепче, но в ту первую ночь мне, я считаю, повезло: пришлось отремонтировать - не капитально - только один аппарат, но это было уже под утро.

На одном из аппаратов работал немолодой украинец Марченко, а два других обслуживали девчухи Клава и Соня, обе чуть-чуть постарше меня. Убедившись в исправности аппаратов, я задремал на полу за Клавиным аппаратом под ровный гул револьверных станков. Наверно, в первом часу ночи Клава разбудила меня: «Слушай, повари за меня, а я чуток посплю». Конечно, я её подменил - я же электромонтажник, должен все уметь, тем более что ничего хитрого в точечной сварке не было.

Но меня сразу же удивила полная тишина в цехе. Что случилось? А случилось то, что должно было случиться: станочницы нарочно сломали все палки и отправились спать.

Вот так в пятом цехе каждую ночь реализовывался лозунг: «Всё для фронта, всё для победы» - он висел у входа в цех.

В цехе был дежурный - немолодой армянин - колоритная фигура, он и летом и зимой ходил в драном тулупе и в галошах. Я его понимаю, поскольку мой гардероб был только чуть побольше. Вместо одного тулупа у меня было две телогрейки: одна рабочая, зеленая, вдрызг замасленная, вторая - синего цвета, чистая («Кобеднишняя»). Чистую, однако, быстро на военных занятиях прожгли - засунули сзади за хлястик окурок. . . Вместо галош у меня были летом - резиновые чуни (тапочки), зимой - валенки. Был ещё замасленный комбинезон, расклепанный по тогдашней моде на 35 сантиметров, а может, и больше.

Не знаю, что входило в обязанности «армяна», но когда он видел, что какая-то девчонка ломает палку, он с криком кидался за ней. Шлёпая галошами, он никого догнать не мог. Результатами этого спектакля обе стороны, как я понимаю, были довольны.

В нашем и других цехах саботировали по-другому; делалось это шито-крыто, а не демонстративно, как в пятом цехе.

Берется иголка с шёлковой ниткой, нитка смазывается зубным налётом, иголкой прокалывается подушечка левой ладони с тыльной стороны между большим и указательным пальцами. Нитка оставляется на ночь в руке, утром выдёргивается. Теперь можно идти в медпункт,

предъявить распухшую руку без опасения разоблачения (нитка-то шёлковая!) и получить бюллетень. Это называлось «замастырить». Наши цеховые «замастырщики» до конца войны вообще не работали.

Самое поразительное то, что все они без исключения, наряду с честными тружениками, были в 1945 году награждены Сталинской медалью «Наше дело правое, мы победили». Я, по своему юношескому максимализму, погнушался получить свою медаль, так сказать, из одного котла с этими подонками, но вот прошло много-много лет, они при случае могут побрякать своей медалью, а я..? В честь ...-летия Победы я получил такую же медаль, но это уже не то...: у нумизматов это называется «новодел».

Взамен Сталинской медали отдел кадров родного завода преподнёс мне свой «подарочек». После окончания войны вышло разрешение беспрепятственно отпускать работников военных заводов для поступления на учёбу. Однако же никто не отменял закон военного времени об отдаче под трибунал дезертиров с военных заводов. В отношении меня наш отдел кадров выбрал «трибунальный» вариант. Паспорт, хранившийся в отделе кадров завода, мне не выдали, и я поступал в УПИ (тогда УИИ) по «метрике» плюс два «пятёрочных» аттестата об окончании 10 классов. Зачем два?

Мне хотелось поступать в институт без экзаменов. Аттестат отличника 1942 года давал мне такое право только на два года, и мне пришлось в 1945 году получать ещё один аттестат отличника экстерном. Как потом оказалось, это было совсем не лишним. Когда меня уже зачислили в УИИ, из Тюмени пришла бумага о том, что я, такой-сякой, дезертировал с военного завода и должен предстать перед военным трибуналом. Конечно же, институт меня в обиду не дал. А если бы я в это время сдавал вступительные экзамены? Ещё неизвестно, чем бы кончилось дело.

Да, а та июльская ночь 1943 года ещё не кончилась. Сварочные аппараты давали продукцию до утра. Станки же молчали. От встречи с Розой мне удалось уклониться. Перед концом смены в дальнем углу цеха послышалась песня, её я услышал впервые. Пели женщины:

Под окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои...
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи.

Чуть-чуть отступили душившие меня злость и обида: на фронте так нужны были наши мины, а мы? .

Эх, станочек мой, станочек,
Ты о чём, дружок, молчишь?
Таких ещё б немного ночек,
И вместо мин получишь шиш!
Прошло 60 лет, а рана не зарубцевалась...

2002 г., июнь - 2003 г., июль

2. БЭЛЛОЧКА, ПОЛЮБИТЕ ЭЛЕКТРИКА, ПОКУДА ЕГО ТОКОМ НЕ УБИЛО

Наш электроцех был снаружи одноэтажным, но изнутри трехуровневым.

Внизу в углублении располагался очень шумный дизель-генератор из г. Сумы, он обеспечивал электроэнергией весь наш завод. Повыше - собственно наш цех, там верстаки, кладовая и печь для сушки электродвигателей. Ещё выше - «антресоли», там был электрощит, где дежурил диспетчер, там же - администрация и мастерская, где работали женщины-обмотчицы, они ремонтировали сторевшие электро-двигатели. Их - женщин - было немного. Одна из них - Бэлла, эвакуированная из Ленинграда. Эту жгучую брюнетку нельзя было не заметить. Росточком она для соревнования на «Мисс Тюмень» не тянула, однако прочие параметры, если снять с нее черный халатик и надеть бикини, были в норме (90х60х90). Но я тогда в женских прелестях так детально не разбирался, это я сейчас так думаю. Запомнил только ее огромные черные глаза и цвет кожи лица, он был какого-то особенного матового оттенка, блокадного, что-ли?

И как она со своих антресолей углядела или услышала нашего электрослесаря Толика Рязанова? Он же не пел, пели другие. Популярны были русские народные и советские песни и романсы. Правилась очень песня из кинофильма «Иван Никулин - русский матрос»:

На ветвях израненного тополя
Теплое дыханье ветерка.
Над пустынным рейдом Севастополя
Ни серпа луны, ни огонька...

Был у нас даже один парень-чародей художественного свиста, этот жанр был тогда в моде.

У Толика же было своё амплуа. Он выходил неизменным победителем цеховых соревнований пердунов: кто громче всех и дольше всех сможет исполнить «Интернационал» на своём природном инструменте:

«пу-пú-пу-пу-пу-пу-пú-пу...»

Бэллу можно понять: Толик был, как говорится, писанный красавец: голубоглазый блондин с пышным чубом, ни дать, ни взять - поэт-песенник Алексей Фатьянов, только ростом пониже.

По мнению Владимира Солоухина, только в Рязани сохранились такие красавцы, так как туда не добрались монголы и не смогли испортить расу. Лично я в это верю.

Однажды Толик не поберётся. Как это произошло, не знаю. Я тогда только что - три дня назад - пришел в цех. В это время монтировался электроцит: кругом железо и электроток - для освещения и для электродрели. Когда я подошёл, Толик был без сознания и ему делали искусственное дыхание под руководством нашего мастера Добровольского. Я тоже включился в этот процесс - Толику на жизнь, мне - на беду. Прошло много времени, и по всем канонам медицины мы должны были прекратить свои усилия, но мастер нам не позволил, и не напрасно - Толик ожил. Первым, кого он увидел, придя в сознание, был я. Так получилось... - «Гады, больно!» - закричал он.

Много лет я не понимал, почему Толик меня так люто возненавидел. Ведь вроде я из тех, кто ему жизнь спас... Находиться один на один с ним в мастерской или в цехе было опасно: он швырял в меня чем попало. Порой я даже не знал, что мне делать, но жаловаться не стал. Уворачивался, как мог, но не всегда удачно. Нога до сих пор иногда ноет...

Я понял всё только через годы, когда прочёл интервью одного из Героев России, спасшего десятки, а может, и сотни людей из завалов и других опасных мест. Его спросили, говорили ли ему эти люди хотя бы «Спасибо»? Ответ был однозначно отрицательный. Почему же, почему?*)

*) Сошлюсь ещё на Э.М.Ремарка. В книге «Искра жизни» он рассказывает, как узники немецкого концлагеря голыми руками разбирали завалы после англоамериканских бомбардировок города. Кое-кого им удалось (голыми руками!) откопать. Это были не узники, а просто жители города, немцы. Так вот, эти спасаемые в кровь изгрызали руки спасателей, пока те отгребали землю от их - так и хочется написать - морд, чтобы они могли вдохнуть. Вот такая реакция.

Видимо, боль и страх всегда были сильнее чувства благодарности. «Гады, больно!» В сознании Толика я был тем самым гадом, который сделал ему больно, и он мстил, как мог. Да и вообще, что такое чувство благодарности? Сталин говорил, что это не что иное, как такая собачья болезнь.

О, как влюбленно смотрела Бэлла на спасённого Толика! Их контакты приходились в основном на обеденный перерыв. Кормили нас в заводской столовой баландой из гнилой капусты. Но за нее надо было еще повоевать в очереди. Ребята у нас в цехе, которых мы делегировали отвоёвывать баланду, были не слабые. Один парень даже в 20-градусный мороз ходил в столовку обнажённым до пояса - видно, перегревался в кузнице... Когда мы приходили в столовую, баланда обычно уже дымилась на столе. Она была хоть уже и не горячая, а всё же грела в холодной столовке.

И вот, как говорят в Одессе, в один приличный день, когда мы в обществе Бэллы уселись за стол, Толик «пошутил»: «Захожу я в туалет, а там Шурка Гавагин в унитазае роется. - Ты что делаешь? - Да вот, понимаешь, носовой платок уронил. - Неужто ты его будешь использовать? - Да в нем кусок хлеба был».

Бедной Бэллочке от такой гадости стало дурно, и она убежала. А нашему Толику только это и надо было - порцию Бэллы он слопал за милую душу.

Эх, Бэлла, Бэлла! Как говорится, внешность обманчива, даже если твоего любимого Толика мы вытащили с того света. Но что поделаешь - любовь зла...

2003 г., июнь

ВЫ ЕЛИ СЕГОДНЯ?

Так переводится обычное корейское приветствие, аналогичное русскому «здравствуйте».

Судя по отзывам россиян, побывавших в современной Северной Корее, эти слова, увы, надо понимать там буквально. В стране голодно, но при всем при том нет ни заброшенных стариков, ни беспризорных детей. А полвека тому назад все это было по-иному и в Стране Утренней Свежести, и в России.

С октября 1945 г. я учился в УИИ, переименованном позднее в УПИ, жил в общежитиях - 8-й корпус, 3-й корпус, и снова 8-й.

Начиная с 1946 года, наш институт становился все более интернациональным.

Первыми появились 6 болгарских студентов. Наш директор Качко вывел их на сцену в актовом зале: «прошу любить и жаловать». Мы им похлопали, а потом дружно спели песню «Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех». Позднее появились и другие: югославы и не совсем понятно, почему - румыны.

Всех их, по мнению идеологов, надо было воспитать в советском духе, ну и, естественно, поучить русскому языку. Лучше всего для этого подходили наши студенты-фронтовики, боевые, закаленные, и как правило, большие шутники. Вот и селили их в комнатах общаги попарно: двое фронтовиков и два иностранца. Не знаю, насколько последние усвоили учение марксизма-ленинизма, а русской лексикой, начиная с ненормативной, овладели неплохо.

Однажды румыны поинтересовались у «своих» фронтовиков, нет ли у нас кого-нибудь, говорящего по-французски. - «Есть, конечно. Спросите в такой-то комнате Яшу Курцмана, он француз». Приходят, а Яша в это время пикирует на скрипке. - «Вы будете товарищ Курцман?». Яша откладывает скрипку и выпячивает впалую грудь: «Да, я». - «Вы действительно француз?» - «Да пошли вы к ...!» Вот такие шуточки... Как и все мы, иностранные студенты слушали лекции и сдавали экзамены на русском языке. Каких-то специальных занятий для них не было. Как говорили их сокурсники, успехами они не блистали, а югославы - их было довольно много, просто не доучились. В 1949 г. Сталин и Тито расплевались, и все югославы уехали на родину. В своём заявлении в партком института они написали, что в сложившейся обстановке их долг - быть вместе со своим вождем и учителем.

Через 7 лет Хрущев помирился с Тито, пригласил его в Крым, где я имел возможность наблюдать два эпизода их встречи. Сначала с «Царской тропы» под вечер мы увидели, как подходят суда, на одном из которых находился Тито, и слышали орудийные залпы, которыми встречали почётных гостей. На следующий день, как потом сообщали, Тито «охотился» на привязанных оленей, а еще днём спустя Хрущёв и Тито с женой «выкатились» из Ореанды на «дикий» ливадийский пляж, куда сбежались, едва натянув трусы, все, кто в тот момент загорал на мужском и женском пляжах. Был жаркий полдень первых дней октября, но Тито так и не снял свой колоритный охотничий костюм, без которого в Европе на охоту не ходят, а Йованка вырядилась в вечернее платье до пят. Зато наш Никита Сергеевич оделся вполне по

погоде: косоворотка, парусиновые брюки, шлёпанцы на босу ногу, соломенная шляпа. Чего стесняться в своем отечестве? У него как раз тогда был период «хождения в народ», и он недели за три до описываемой встречи ежедневно устраивал, собирая толпу зрителей, утренние «представления». Выйдя из калитки на этот самый «дикий» пляж, он снимал обувь, брюки, шляпу и оставался в полотняной рубашке с длинным рукавом и в трусах ниже колен. В таком виде он входил в воду и плыл, пока не скрывался из глаз. За ним шла лодка без мотора. На пляж он уже не возвращался. Зрители этого шоу неоднократно спорили, почему он никогда не снимал рубашку? Костюм-то был совсем не купальный. Выдвигались разные версии, но большинство предполагало наличие у Хрущёва некой татуировки, которую он не хотел демонстрировать.

Наконец, в 1948 году в УПИ прибыли несколько сотен корейцев. Тогда ещё не было деления на Север и Юг, была просто Корея. Точное число их мне неизвестно, но под них отдали весь верхний этаж нашего 3-го студкорпуса. В основном, это были парни, но были и девушки, все, как на подбор, уродки: низкорослые, коренастые, кривоногие, с торчащими вперёд зубами. Где только их раздобыли? На первом году корейцев обучали русскому языку, черчению и Конституции СССР. Из всех отметок корейцы признавали только «5». «Четвёрка» - ЧП! «На разбор полётов» собиралось чуть не всё землячество. Уж как они воспитывали провинившихся, неизвестно, но «четвёрочников»-рецидивистов, говорят, не было.

О своих сыновьях и дочерях Корея позаботилась на-славу: все были одеты в темно-синие бостоновые костюмы, такие же пальто и шубы, а ботиночки и головные уборы - просто загляденье. А что носили мы? Фронтвики, в том числе девушки, донашивали военную форму, остальные ходили кто в чём. Своим гардеробом хвастаться не стану - стыдно. Первое свое пальто я купил в комиссионке на деньги, которые нам заплатили на практике в Нижнем Тагиле в 1949 г. Один парень из нашей группы, помню, танцевал мазурку в кирзовых сапогах, и получалось неплохо, может быть, потому, что паркет в фойе актового зала всегда был натёрт до блеска.

Получали корейцы по две стипендии: корейскую и нашу. Завидовали мы им по-чёрному, но не столько одежде, сколько питанию - рису. В СССР только-только отменили карточки, но в студенческой

столовой можно было пожить лишь капустной баландой, а чтобы что-то прикупить, нужны были деньги... Поэтому вопрос, вынесенный в заголовок, был для нас, советских студентов, отнюдь не риторическим. А корейцы получали сытный рисовый паек от государства, да еще мешками посылали посылки их родные.

И вот однажды иду я из института, подхожу к своему 3-му корпусу, и вижу, как у входа три тщедушных корейца мучаются с 50-кг мешком риса: взвалили на одного, а двое других как-то держат мешок за углы. Но «коренник» оказался слабым, мешок сваливается. Ну, я тогда занимался штангой, и для меня поднять мешок на 4-й этаж - пара пустяков, лёгкая разминка. После этого вежливые корейцы пригласили меня на ужин, правда, у меня потом появились основания полагать, что они знали, что ничем не рискуют. А тогда я по простоте душевной принял приглашение. Прихожу, значит, вечером в указанное место. Полная комната корейцев, посредине на столе дымится блюдо риса, такого коричневатого цвета, и пахнет вкусно. Положили и мне этого добра на тарелку. Ничего не подозревая, я хватил полную ложку риса, и... Дыхание перехватило, из глаз брызнули слезы, из носа... Короче говоря, я опрометью кинулся в туалет и промывал там рот, наверно, больше часу. Промывал бы и дальше, но меня допекли огромные туалетные крысы, они, подлые, залезали снизу в брюки (тогда была мода на брюки-клёш). Потом меня наши ребята просветили: «Ты не первый, и наверно, не последний, кого ци вузкоглази потчуют рисом с «диким перцем». С тех пор у меня аллергия на любой перец.

2003 г., май

НАШ ДЕПУТАТ

Нас в первом выпуске инженеров-физиков физтеха УПИ, как и в «звёздной» группе советских космонавтов, было 20. На 1 января 2004 г. осталось в живых 8 (космонавтов - 6).

Всех нас перевели на 6-й курс вновь организованного физтеха из разных групп 5-го курса энергофака в октябре 1949 г. Наш зав. кафедрой электропривода Шубенко собрался было, не спрашивая моего согласия, оставить меня при кафедре и поэтому уговорил декана не сообщать мне о переводе на физтех. Переведенных пригласили на прием к директору УПИ Качко, где выяснилось, что в озвученном им списке значится и моя фамилия. На выпускном вечере энергетиков в июне 1950 г.

подвыпивший Шубенко пенял мне: «Эх ты, перебежчик, а я так на тебя надеялся». На это я отвечал: «Вы меня не спрашивали, я ничего Вам не обещал, и перебежчиком себя не считаю».

Жизнь показала правильность моего выбора. Те из нас, кто пошел по преподавательской стезе, в конечном счете сильно прогадали. Больно и стыдно глядеть на их нищенское существование с начала 90-х гг.

Два семестра мы учились на физтехе, конспектировали всё без исключения, даже математические задачи, в тетрадях из секретной части. Утром их получали, в конце дня сдавали. Чему нас надо было учить, никто толком не знал. «Готовьте инженеров-физиков широкого профиля» - такое указание получило руководство физтеха. И мы слушали всех лучших физиков и математиков тогдашнего Свердловска: профессора (будущего академика) С. Вонсовского, зав. кафедрой математики УПИ Николаева, опытного лектора Виглина и других, кого удавалось привлечь. Но вот беда: абсолютно ничего конкретного из этой науки нам потом не пригодилось. Слишком абстрактной была эта университетская физика и очень далека от потребностей инженеров, которыми мы потом и стали. Один пример для иллюстрации. Уже в 70-е годы меня попросили прочесть курс лекций по математической статистике для студентов филиала МИФИ и предложили воспользоваться университетской программой. В ней оказалось примерно 95% теории вероятностей и только 5% математической статистики, а для инженеров надо как раз наоборот. И все-таки какая-то польза от нашей учебы на 6-м курсе, я считаю, была - хотя бы в виде дополнительной гимнастики ума. Экзамены мы сдавали на 4 и 5, троек практически не было. Этому немало способствовала весомая добавка к стипендии и улучшение бытовых условий для «общежитских». Нас переселили в хорошо отремонтированный этаж 8-го студкорпуса, тот самый, в котором я оказался в 1945 году на 1-м курсе, и который тогда являл собой картину ужасающей военной разрухи. Вход к нам, физтехам, на наш этаж, как и на факультет, был по пропускам.

И вот однажды поздним зимним вечером 1949 года часов эдак в 11 подхожу я к 8-му корпусу после свидания со своей будущей женой, предвкушая попить чайку, да и на боковую. Навстречу комсорг факультета с группой студентов. - «Поворачивай назад!» - «Куда это?» - «Потом узнаешь». Неохота, но комсомольская дисциплина была строга... Прибыв на место, а это оказался Горный институт, мы узнали свою «боевую» задачу. На одном из верхних этажей, где именно, я так

и не узнал, нас туда не пустили, находился знаменитый геологический музей, едва ли не единственное место в Свердловске, куда водили именитых гостей. Вот и в тот раз должен был прибыть некто (кто - долго не говорили), а наша команда должна была изображать встречающую и рукоплескающую публику. Сейчас это выглядит довольно глупо, а тогда было в порядке вещей... Расставили нас по всему пути следования, в том числе и на лестнице, ведущей вверх, где стоял и я. Кто пожалует, нам не говорили до самого конца, а он наступил примерно между 3 и 4 часами утра, когда, наконец, объявили, что предстоит встречать Мао Цзедуна. Прошел он мимо нас наверх, здоровенный такой мужик, и на этом все для нас кончилось. Как потом сообщали, Мао приезжал в Москву для встречи со Сталиным, но тот его не принял. Когда он заезжал в Свердловск - до Москвы или после, я не знаю.

В августе 1950 г. пришла пора решать, где и как мы будем дипломировать. Вот тут нашу группу разделили на две части. И. К. Кикоин согласился взять к себе в ЛИПАН (теперешний ИАЭ) 9 человек, а 11 остались на физтехе. В августе наша часть группы уже была в Москве и приступила к преддипломной практике. Поселили нас в двух комнатах новой трехкомнатной квартиры в Щукинском проезде, в третьей комнате уже жила сотрудница ЛИПАНа. Но тут произошла какая-то нестыковка: то ли с выплатой нам стипендии, то ли из-за недоговоренности с Москвой. Так или иначе нас срочно отозвали в Свердловск, задолго до окончания преддипломной практики. Ехали, разумеется, поездом. На подъезде к Казани вдоль путей - длинный забор, на которой огромными буквами надпись «Пейте казанское пиво. 1 литр пива заменяет 1/6 часть дневного рациона человека». Поезда тогда стояли на станциях подолгу, и мы на Казанском вокзале выпили по кружке пива. На остальные 11/12 дневного рациона денег не было. Не успели мы вернуться на физтех, как последовал приказ возвращаться в Москву. Но за время нашего отсутствия там уже всё изменилось. Квартиру, где мы жили, уже заселили, а в общежитии нашлось место только для пятерых. «Великолепная четверка» - Георгий, Михаил, Николай и я - повисла между небом и землей. О ней и пойдёт дальше речь.

Худо-бедно, а Георгия и Михаила взяли на свое попечение руководители их дипломирования: первого пристроили в ванную (она же - фотокомната), а второго - на диван в только что полученной трехкомнатной квартире. Не бог весть какие удобства, но всё же это

было постоянное пристанище, а мы с Николаем стали, как сейчас говорят, бомжами. У Николая невеста Варя училась в те годы в институте лёгкой промышленности. Она попросила своих отзывчивых однокурсников, живших в общежитии, чтобы её жених мог по-очередно, согласно жребью, спать с ними в вагончике на одной кровати. Ну, а у меня получалось как в известной песне: «Нынче здесь, завтра там».

Предпочтительным местом моей очередной ночевки была крошечная комнатка в огромной коммуналке в 1-м Переведеновском переулке Москвы. В ней жил мой дядя Боря, младший брат моей матери, вместе со своей второй женой. Принимали они меня, как родного сына, но ничего другого, кроме местечка на полу, предложить при всем желании не могли. Недалеко - метро «Бауманская», и я, наверно, появлялся бы здесь почаще, но невероятная теснота заставляла меня менять «явку».

Если добраться по Москве до Казанского вокзала, а потом сесть на электричку, то можно доехать до ст. Отдых. В этом известном дачном месте находился дом другого моего дядюшки по материнской линии, дяди Коли. Дом этот они выменяли после войны на квартиру в Новосибирске. В Отдыхе у меня не было проблем с жизненным пространством, но добираться туда надо было, запасшись терпением - с учётом проезда по Москве, в общей сложности, до 2-х часов в один конец. Приезжаешь и уезжаешь затемно, а ведь на дворе уже зима. К тому же тетя Надя и её дети, мои двоюродные братья, принимали меня далеко не с распростёртыми объятиями.

Еще одно мое пристанище было в не менее известном Переделкино, в Доме старых большевиков. В нем жила сестра моей бабушки по материнской линии, т. е. она приходилась мне двоюродной бабушкой, а я ей - внучатым племянником. Не слишком близкая родня, но всё же... Со слов дяди Бори, её племянника, она отважно воевала в 1-й Конной и была награждена орденом Красного Знамени № 92. Насчет номера - не ручаюсь, а орден у неё был привинчен к гимнастёрке, которую она обычно носила в стиле Н. Островского. Ездил я к ней только по воскресным дням с Киевского вокзала, откуда ходил поезд на паровозной тяге. В первую поездку меня сопровождал дядя Боря. Перед отъездом старший сын дяди Коли, мой двоюродный брат, дал нам такое напутствие: «Запомните три заповеди: бабке ни в чём не перечьте, всё, что подадут, жрите, а сядете играть в преферанс, продувайтесь в пух и прах». Накануне дядя Боря предупредил бабушку Катю по телефону,

который имелся в ее комнате, о нашем визите. Она, в свою очередь, сделала заявку на кухню: «Завтра у меня будут двое гостей», после чего нам оставалось только реализовать вторую заповедь: «Жрите...» Завтрак, обед и ужин нам подавали в бабкину комнату. Первая заповедь - «не перечить...» - тоже прошла, как по маслу, а вот с преферансом вышел прокол, который всё испортил. Ну, скажите на милость, что можно поделаться, если баба Катя, имея на руках четыре взятки, объявляет десятичную игру? Мы уж и всех своих тузов снесли и вообще мухлевали, как могли, но тщетно... «Шулеров - наоборот» из нас не получилось. Вечером Борис Михайлович уехал, а я остался ночевать. Но прежде чем был выключен свет, я, в порядке реализации первой заповеди, долго-долго читал бабе Кате какую-то книгу, но сон к ней никак не приходил. Боюсь, что я уснул первым...

А зима тем временем набирала обороты. Жена пишет из Свердловска: «У нас минус пятьдесят», мать из Тюмени: «А у нас минус 55, рельсы лопаются, одна ж/д катастрофа за другой» (ей по долгу службы приходилось на них выезжать). Это был конец 1950-го, начало 1951-го. В Москве «всего лишь» ниже минус 30. У Николая украли шапку, и он обморозил уши, и это стало последней каплей долготерпения нашей четвёрки. Что же делать? Трудно сказать, кому из нас пришла в голову идея, оказавшаяся спасительной. Вероятнее всего, она принадлежала Георгию, самому старшему из нас по возрасту и жизненному опыту. Он начинал учиться в УИИ ещё до войны, со 2-го курса добровольцем ушёл на фронт, в 1945-м вернулся. На старших курсах энергофака экзамены в общепринятом смысле не сдавал. - «Георгий Васильевич, завтра экзамен. Вы готовы?» - «Да». - «Давайте Вашу зачётку». Какая экономия на шпаргалках!

- «Братцы, а ведь рядом есть наш депутат Верховного Совета, за которого мы голосовали в УПИ совсем недавно, в феврале 1950-го. Игорь Васильевич Курчатov. А вдруг поможет? Жора, звони!» Звоним. Представляемся одному из его секретарей (секретарш у деятелей такого ранга тогда не было, были секретари-охранники. У И. К. Кикоина, например, их было двое, оба в чине полковника).

- «Просим помощи». - «А вы в ЖКУ обращались?» - «Конечно, и не раз». - «И что же вам говорили?» - «А там шутники такие: подождите, пока кого-нибудь из академиков схоронят, тогда все квартирные блага сдвинутся вверх на одну ступеньку, и в результате высвободится жилплощадь уборщицы. Но пока не получается.» - «Позвоните через

20 минут». Звоним, а сами думаем: несерьезно это - двадцать минут. И вдруг слышим: - «Идите в ЖКУ, получайте ключ от комнаты». Вот это да! Сейчас-то я понимаю, что власть курчатовского аппарата простиралась подальше комнаты уборщицы, но тогда для нас, бедолаг, это казалось просто чудом! Ключ мы с Михаилом получили, и вечером направились по адресу, как оказалось, это был дом, ближайший к проходной ЛИПАНа.

Поворот ключа, и мы вошли в тёмную комнату. Пока искали выключатель, был слышен какой-то сильный непонятный шорох. Когда зажгли свет, мы увидели, что стены, пол и потолок - живые. Это двигались и шуршали тараканы. Ничего подобного ни раньше, ни позже мне видеть не доводилось. Ну, делать нечего, сходили мы в магазин рядышком, купили 3 пачки дуста, рассыпали его по полу и ушли на 2 суток. Вернулись в аккурат когда уборщица выгребала останки тех тварей, что по-научному именуется блятелла германика. Оказалось, что эта тетка, прибывшая в Москву не то из Орловской, не то из Курской области и проживавшая в этой комнате, и развела это тараканье царство, «А как же без тарканов?» - оправдывалась она. Там были ещё и клопы, но они также не устояли перед дустом. После санобработки наша комната оказалась неплохим жильем. Тепло, сухо, тихо, в прихожей - газовая плита - это в 1950 году! О том, что это полуподвал, мы вспоминали разве что по воскресеньям, когда мы позволяли себе поспать немного подольше. Эти дни мы проводили по особой культурной программе.

Сначала - знакомство с Москвой, но не совсем обычным способом. Георгию завязывали глаза и везли в какой-нибудь район Москвы. Конечно, это не были самые дальние окраины, но всё же это каждый раз был новый район. Затем глаза развязывали, и по условиям игры он должен был не позднее чем за 10 минут найти туалет. Туалет? Для Георгия это было увы, совсем не смешно. После фронтовой контузии ему нужно было время от времени очень быстро... ну, вы понимаете?.. И он хорошо ориентировался в этом направлении. Не знаю, как это ему удавалось, но каждый раз нам приходилось втроём скидываться на четыре бутылки пива, а если бы он проиграл, он должен был поить всех четверых. На другие условия он не соглашался. Такой он был, наш Жора.

Потом - обязательный дневной спектакль в каком-либо театре, хоть в Большом, хоть в МХАТе, хоть в каком, - проблем с билетами тогда не

было. Задача наша была - посетить максимальное количество театров, но воскресных дней у нас оказалось не более двадцати, и не все спектакли нам были до душе. Например, театр на Таганке тогда был не лучше какого-нибудь заводского клуба, и мы не раз пожалели, что туда попали. И вот однажды, наиморознейшим воскресным днем мы собрались в филиал не то Малого театра, не то МХАТа. Идем по Калужской площади, а мороз и ветер такой, что многие предпочитают передвигаться задом, да и мы тоже жмёмся, хоть и не из Африки приехали. И вдруг навстречу нам идет человек довольно высокого роста, не молодой, но и не старый, без головного убора, шевелюра «под Кобзона», идёт легко, улыбается, портфельчиком помахивает, как будто весенним днём наслаждаясь. Всё бы ничего, да вот одёжки на нём не густо: майка, трусы, носки, тапочки и пиджак, вроде как не по сезону. Спрашиваю дядю Борю: «Тебе такой человек не знаком?» - «Да его вся Москва знает, наверно, с 1920 года. В те годы чего только мы не видались... Было, например, такое движение «Долой стыд!» В тёплое время года лента с этой надписью была единственным телесным прикрытием этих чудиков. Ходили они и ездили в таком виде по Москве, куда милиция не начала их притеснять, да и не мудрено - зрелище было весьма неэстетичным, поскольку молодежи среди них почти не было. Заодно «замели» и нашего любителя свежего воздуха, и ему долго пришлось доказывать доблестным чекистам, что он не из «бесстыжих». С тех пор он так и ходит, и его не трогают».

В период нашего пребывания в «депутатской» комнате произошло еще одно событие, заслуживающее упоминания. Оно до сих пор скребет мою душу.

В те годы были очень популярны зарубежные песни, например, «Голубка», «Нашёл я чудный кабачок», «А я сам, а я сам» в переводе С. Болотина и Т. Сикорской. Тираж грампластинок с «Голубкой» в исполнении К. Шульженко до сих пор рекордный. Племянник Т. Сикорской был другом нашего Георгия.

И вот однажды Георгий говорит: «Меня не теряйте, вернусь поздно или вообще сегодня не вернусь: наследники А. М. Горького распродают его библиотеку, и надо бы попытаться чем-то поживиться». На следующее утро я имел возможность познакомиться с его «добычей». Конечно, по «праву первой ночи» ушло кое-что поценнее, но, согласитесь, если всё, что досталось Георгию, имело автографы или экслибрисы Горького, то оно бесценно. И я до сих пор, убей меня, не

понимаю, почему всё это не стало музейным достоянием, а ушло в частные руки. Ведь выручка за эти книги по тем временам была просто мизерной. На свою стипендию Георгий приобрел (как пел В. Высоцкий, «глаза закрою, вижу»): 1) академическое юбилейное (1937 г.) издание книги «Пушкин» Вересаева, шедевр литературы и полиграфии; 2) собрание сочинений Ст. Цвейга с предисловием Луначарского, в котором говорилось о том, что никто другой так светло и тепло не сказал о женщине. В собрании не хватало одного тома («Амок»); 3) собрание сочинений М. Пруста, которого я долго ещё считал самым «длинным» фразописателем, пока не узнал, что самую-самую длинную фразу написал В. Гюго в романе «Отверженные»: 823 слова, разделенные 93 запятыми, 51 точкой с запятой и 4 тире.

Кое-что о нашем финале. 17 мая 1951 года - защита дипломов в ЛИПАНе. Перед комиссией под председательством И.К.Кикоина предстали восемь студентов, которые совсем недавно узнали, что им придётся заниматься совсем не тем, чему их учили на физтехе, но они были уверены, что обязательно справятся, потому что их к этому подготовил институт. Почему только восемь? Нас же было девять! Девятый, а это был Николай... спал, так как ночью заканчивал чертёж. Знал об этом только я, так как привык будить его еще на 1-м курсе, вернее, пытался разбудить, но ни разу не достиг цели. Посадишь, бывало, его на кровать: «Коля, вставай!», но, как только отпустишь, он - брык, и снова спит. Комиссия не расходилась, только перешла в соседнюю комнату, где уже был сервирован стол, а к концу обеда и Коля выспался.

Наши соратники, дипломировавшие на физтехе, защитились почти на полгода раньше, в конце декабря 1950 г., но совсем не потому, что они такие умные. Просто дипломные задания были разные: у нас реальные инженерные, у них - формальные академические. Я позавидовал им только летом 1951 года, когда, чтобы прокормиться, пришлось ловить в речушке мелкую рыбёшку. Их-то уже распределили, кого-куда, устроились на работу и шестеро из нашей московской девятки, а про нас троих на время забыли. Не забыли только снять со стипендии.

Этому предшествовали такие события. Мне и еще двоим моим однокашникам руководители дипломирования предложили остаться работать в ЛИПАНе. Этот выбор - 3 из 9 - был дважды ошибочен. Невооруженным глазом было видно, что двое из нас не имеют

абсолютно никакой склонности к научной работе. Впоследствии из них получились отличные специалисты-производственники, которые потом, как это у нас, к сожалению, случается, превратились в никудышных администраторов. Один даже защитил (так было НЕЖНО) кандидатскую диссертацию на тему, про которую И. К. Кикоин сказал: «Но ведь это же не наука!» Ну, а во-вторых, а скорее - во-первых, мы отказались от столь лестного предложения, у нас были свои планы на будущее. С этого начался тот нелёгкий для нас день. Позже уговоры переместились на уровень начальника сектора Миллионщикова, будущего академика. Лейтмотив уговорщиков был такой: «Чего вы, глупые, кочевряжитесь? Мы же вам предлагаем МОСКВУ!» - «А как с жильем?» - «Общежитие». - «А если у меня жена и теща?» - Разводят руками. А мы стояли на своём: «Мы хотим на производство». А про себя я думал: «Да пропади он пропадом, этот ваш муравейник, Москва». - «Ну что ж», - сказали нам, - «Ждите решения Кикоина». Он принял нас в третьем часу ночи, тогда это не было чем-то чрезвычайным. Выслушав нас, И. К. сказал: «Мне всё равно, где вы будете работать: здесь или на «базе». Уральской базой технического снабжения, а коротко - «базой» тогда именовался теперешний УЭХК. На ней проходила большая часть тогдашней деятельности И. К. и ряда других сотрудников ЛИПАНа. И. К. не стал допытываться, почему мы не польстились на Москву. Возможно, это его не интересовало, но я не исключаю, что он знал, что не услышит всей правды. Я даже и сейчас не хочу об этом говорить. Есть прошлое, которое не стоит тревожить. Так или иначе, 31 августа 1951 г. наша троица оказалась на «базе», и таким образом, нас там стало восемь из двадцати, пятеро оказались в УПИ, четверо - в Свердловске-45, трое - в трёх других городах. Так распорядилась жизнь.

2003 г., июнь

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ БЕЗ КОЗЫРЕЙ

О человеке-легенде И. К. Кикоине написано достаточно много, как он того заслуживает. Однако, насколько мне известно, все воспоминания относятся, главным образом, к сфере его научной деятельности. А ведь еще Альберт Эйнштейн на вопрос, из чего складывается успех в жизни, отвечал, что он состоит из трех слагаемых: умение работать, умение держать язык за зубами и умение отдыхать. О том, как отдыхал И. К.

или точнее, как он проводил свой досуг, мне и хочется поделиться своими воспоминаниями.

И. К. не ходил в горы, как его брат Абрам Константинович, не лазил в пещеры, как В. А. Каржавин, не увлекался филателией, как Ю. В. Карякин. Более того, он никогда, но его словам, не ходил в кино и не смотрел телевизор.

В течение длительного времени (1947-1953 гг.) И. К. Кикоин подолгу жил в нашем городе (сейчас г. Новоуральск) и потом нередко, почти ежегодно, он приезжал на совещания, конференции, сессии Учёного совета. Когда это оказывалось возможным, он отдыхал на природе, в лесу, на пруду, на рыбалке. Ему очень нравились живописные окрестности города.

Я расскажу о другом виде его досуга, который он очень любил: игра в винт.

Винт - это карточная игра, весьма популярная среди русской интеллигенции в конце XIX - начале XX века. Сужу о ней по рассказам Ю. В. Карякина и по художественной литературе. Винту посвящены целая глава в романе Алексея Толстого «Хмурое утро», рассказы А. Чехова «Большой шлем» и «Винт» и рассказ Леонида Андреева «Большой шлем». «Большой шлем» в винте - старшая игра с наибольшим количеством взяток - 13.

Чтобы стало понятнее, о чём идет речь, скажу, что эта игра сродни преферансу и имеет с ним ряд общих элементов, но превосходит его по сложности и комбинационным возможностям, примерно так, как преферанс превосходит кинг, т. е. на порядок.

Играют в винт обязательно двое на двое. Однако благодаря быстротечности игры - роббера, состоящего из 2-х (при счёте 2 : 0) или трёх (при счёте 2 : 1) партий, за вечер в игре в принципе могут принять участие 6 - 8 человек, т. к. перед каждым роббером четверка играющих определяется жребием. Другое дело, удаётся ли собрать такое количество винтёров одновременно. Сейчас живого винтёра найти едва ли легче, чем живого мамонта, а в 60-е годы в Свердловске-44 нас было пятеро, из них один - «гроссмейстер» (Ю. В. Карякин), остальные - начинающие, которых он обучал.

Мы регулярно встречались за карточным столом, и кое-что уже начали понимать. Преферанс стал казаться нам чем-то вроде подкидного дурака. К тому же преферансное правило бить козырем, если нет масти, в винте нас всё время подводило (в винте это необязательно).

Но, конечно, настоящая игра начиналась с приездом И. К.

Если поводом для его приезда был Ученый совет, то вместе с И.К. приезжали М. М. Добулевич, тоже сильный винтёр, и Н. М. Лысцов - из начинающих, так что недостатка в игроках не было, скорее, наоборот.

В отличие от других карточных игр, где за лишние разговоры во время игры порой били подсвечником, в винте при торговле за прикуп играющие имеют право в рамках правил вслух сообщать партнёрам о своих картах, если, конечно, они успеют это сделать, прежде чем противники «взвинтят» игру. Я говорю об этой особенности винта потому, что именно она определяет требования к игрокам: способность концентрировать внимание, хорошая память и умение понимать партнёра.

Первые два качества необходимы, чтобы запомнить, кто и на каком круге торговли что говорил. Например, если я на первом круге сказал «Пики», это значит, что у меня пиковая масть, а если «ПАС», - масти никакой нет. Если после «ПАСа» на первом круге, я на втором говорю «Буби», это значит - у меня туз бубей.

Что касается взаимопонимания партнеров, то оно приходит, если одни и те же люди часто встречаются за карточным столом в течение большого периода времени. По этому поводу винтёры шутят, что настоящий винт начинается, когда играющей четвёрке вместе 300 лет.

Всеми названными качествами И. К. обладал в превосходной степени, и поэтому был классным игроком, у которого можно было многому поучиться. Особенно поражала его память во время игры. Он мог наизусть цитировать Библию, и помнил очень сложную систему записи в винте. Играли в винт и члены его семьи: жена, дочь и зять, так что я думаю, что и в Москве И. К. имел возможность «повинтить».

Несмотря на высокий класс игры И. К., он часто проигрывал - ему не шла карта. Тем не менее он высоко оценивал игру в винт как средство хорошего умственного отдыха. Однажды в паре с ним мы сыграли большой шлем без козырей. По отзыву Ю. В. Карякина, за 40 лет его винтёрской практики это был второй случай.

1998 г., март

«ТОПОЛИНАЯ АРОНИЯ»

Насколько мне известно, первый коллективный сад на Урале появился в 1952 году на Уралмаше. Если это так, то наше предприятие - п/я 318 (так тогда назывался УЭХК) - отстало всего на год-два. Пионером был совсем небольшой участок - теперешний сад № 1.

Спустя некоторое время в стенгазете «Вперед!» отдела 16 появилась заметка одного из первопроходцев - Д. Ульянова, в которой он красочно расписал, как это здорово - после трудового дня выбраться на природу, подышать свежим воздухом и собрать выращенный урожай. Однако о том, что при освоении участка надо вкалывать и вкалывать, не было в его материале ни полсловечка.

Так или иначе Дима очень многих обратил в садоводческую веру, поэтому в октябре 1950 года, когда выделили землю для садов №№ 2 и 3, недостатка в желающих ее получить не было.

Но были и проблемы. Горе-землемеры нарезали участки размером 50 x 10 метров. Полста метров вдоль склона - за день набегаешься снизу вверх и обратно. А что такое десять метров? А то, что между моим домиком и домиком соседа расстояние - один метр. Соседи-то у меня хорошие, но если, не дай бог, пожар? Не успеешь оповестить о беде, как вся улица сгорит в одночасье. Вот уже 45 лет как я работаю в саду и все не могу обойтись без неллицеприятных слов в адрес тех, кто разработал и утвердил такую планировку.

Но самой сложной была тогда проблема с саженцами.

Охота за ними порой приобретала анекдотические формы. Вспоминаются два случая.

В 1959 году стали готовить под многоэтажную застройку район Измайлово в Москве. В то время это был район частных домиков с роскошнейшими садами. В одном из них я присмотрел для себя пионы, выставленные на продажу. В наших садах их еще не было. Но тут, как говорится, жадность фраера сгубила. Чемодан у меня был большой, вот я его и набил под завязку. А по дороге ручка у чемодана оторвалась... Тогда я понял всю мудрость поговорки про чемодан без ручки, который тащить тяжело, а бросить жалко. Некому было подсказать, что балласт следовало обрезать, оставив только почки. Два корня я отдал знакомым, а большая часть растений до сих пор цветет в нашем саду. Написал и удивился: это сколько же им лет?

Второй случай. Понадобилась нам арония (чаще ее называют черноплодной рябиной), и за ней была «командирована» в Свердловск моя теща. В те годы там торговал саженцами некто Опарин, отрекомендовавшийся «учеником и соратником Мичурина». От него теща вернулась с двумя саженцами, которые мы холили и лелеяли два года, пока не выяснилось, что это... тополь. Ну откуда нам было знать,

как должна выглядеть арония? Это сейчас к услугам садоводов-«чайников» цветные фотографии.

Разъяренная теща отправилась к Опарину и, как писал «Крокодил», «послала» его по-женски, но тоже о-о-чень далеко.

- Не ругайся, тетка, ошибочка вышла, - отвечал Опарин. (Да и неудивительно: трезвым-то его никто не видел). - Зато я дам тебе такую штуку, которой больше ни у кого нет.

И дал ей отводок бесшипного (неколючего) крыжовника, поместившийся в упаковке размером с два спичечных коробка.

На этот раз г-н Опарин не обманул. Ещё на протяжении лет двадцати в публикациях о крыжовнике часто встречалась фраза: «Проводятся работы по выведению бесшипных сортов». И хотя есть основания сомневаться насчет достоверности «ученика и соратника», скажите на милость, откуда у него появился бесшипный крыжовник, который еще много лет был «не по зубам» садоводческим НИИ и опытным станциям? Этот крыжовник мне удалось размножить, и теперь он растет не только у новоуральских садоводов.

2002 г., июль

ЗАПИСКИ СТАРОГО «ЧЕЛНОЧНИКА»

Предисловие

Что такое заказ «Челнок» и как он начинался, читатель может узнать из книги «Укрощение урана», изданной в Новоуральске в 1999 году, а также из брошюры «Участок «Челнок». 30 лет» издания УЭХК 2003 г. Там отражен в основном период 1971 -1973 гг., самый трудный и ответственный для УЭХК.

Мои «Записки» охватывают более поздний период: 1973-1998 гг. Как всякие воспоминания, они неизбежно фрагментарны, тем более, что я не мог вести никаких записей. В те времена сам термин «Челнок» (по моим сведениям, его предложил А. Д. Зверев) употреблялся только в секретной переписке. На УЭХК в открытом обиходе разрешалось использовать наименование «Заказ 303», а участок «Челнок» именовался «химучастком». За завесой секретности скрывались и все другие подразделения «Заказа 303». С 1976 по 1987 год я работал в должности заместителя главного инженера УЭХК по экспорту. Тогда и позднее через мои руки прошла вся входящая «Челночная»

документация, и часть исходящей. Благодаря этому я имел возможность координировать взаимодействие всех подразделений, работавших на экспорт.

Атомный бум

Неизвестно, сколько лет УЭХК ещё продолжал бы использовать свою самую передовую в мире центрифужную технологию главным образом для получения высокообогащённого оружейного урана, если бы не мировой энергетический кризис начала 70-х годов. Европа, электростанции которой работали в основном на нефти, дрогнула перед угрозой лишиться поставок этого сырья. Альтернативой стала атомная энергетика, для развития которой во всех европейских странах были разработаны обширные долгосрочные программы. Даже маленькая Австрия с её большими запасами дешёвой гидроэнергии решила обзавестись двумя атомными электростанциями, а Иран с его немалыми запасами нефти замахнулся, по данным западной прессы, чуть ли не на два десятка таких объектов. И тут перепуганные европейцы вспомнили о том, что ещё в 1968 году СССР обнародовал своё желание оказывать всем нуждающимся странам услуги по обогащению урана из сырья заказчика для энергетических целей, и, боясь опоздать, встали в очередь по заключению соответствующих контрактов.

Для Европы контракты с СССР были более выгодны, чем с США: поставщик поближе, а значит, ниже транспортные расходы, и за товар берет подешевле: со скидкой порядка 5% от американской цены на долгосрочные контракты. Только ушлые итальянцы сумели добиться гораздо более выгодных для себя условий. Что поделаешь, коммерческого опыта у нашего будущего Торгового Дома (теперь он называется ОАО «Техснабэкспорт») ещё не было, он находился тогда в структуре МИДа и размещался в известном высотном здании на Смоленской площади. Опыт пришёл позднее, когда «Техснабэкспорт» перешёл в Минсредмаш. Зато эти ребята, в основном выпускники МГИМО, знали языки, чего нам, работникам УЭХК, тогда ох как не хватало.

На день заключения первого контракта (с КАЭ Франции) американская цена ЕРР (единица работы разделения) составляла 26 долларов. Не прошло и месяца, как в нашем проектном институте в Ленинграде мне показали статью из американского журнала, в которой

сообщалось, что цена ЕРР повышена до 32 долларов, потому что в прежней цене не была учтена ...зарплата архитектора. Так могли написать только люди, которым сто раз наплевать, что о них подумают. Ещё несколько месяцев спустя американцы довели свою цену примерно до 100 долларов, что и было зафиксировано в наших контрактах, заключённых в 1975 году. Я часто спрашиваю себя, в чей карман пошли эти наши уранодоллары. Боюсь, что они не дошли даже до Минсредмаша. Иначе как объяснить, что специалисты УЭХК вынуждены были буквально валяться в ногах у чиновников Минсредмаша, чтобы те выделили чуточку долларов на закупку приборов и оборудования, которые в СССР не производились. Только один пример: весы французской фирмы «Вуарон». Пример для тех времен достаточно типичный. Сначала подписали контракты, в которых была зафиксирована необходимая точность взвешивания, а потом начали выяснять, где взять такие весы. Слава богу, нашли, купили, использовали до поры до времени. На смену «Вуарону» (по рабоче-крестьянски, «Вороне») для официального взвешивания пришли весы фирмы «Тоledo», говорят, более точные.

Только с 1992 года УЭХК стал получать заработанные им доллары. По закону их надо было продавать государству, но, похоже, кое-что оставалось для импорта.

Валюта оказалась весьма кстати, так как именно в это время был принят закон о так называемом толлинге, согласно которому услуги по обогащению урана из сырья заказчика стали облагаться налогом на добавленную стоимость (НДС). Поразительно! Вместо того, чтобы поощрять единственную в стране отрасль, в крупных размерах экспортирующую не сырьё, а продукты передовой технологии, её стали душить грабительским налогом! А отбиться от НДС, как это сделал Минцветмет, УЭХК в одиночку не смог, хотя и делал для этого всё, что в его силах, но после смерти А. Д. Зверева в Минсредмаше не осталось никого, кто бы всерьёз интересовался проблемами нашего комбината.

«Полный назад!»

Не прошло и десятка лет с тех пор, как УЭХК начал поставки обогащённого урана в Европу, а наши заказчики стали свёртывать или даже хоронить свои ядерно-энергетические программы. Причины - разные. Одни страны поняли, что им гораздо дешевле обойдутся

программы экономии энергоресурсов, другие уступили атакам «зелёных», в третьих случилось то, что в контрактах проходит по разделу «форс-мажор».

В Австрии в 1978 году был проведен референдум. Незначительным большинством было решено закрыть действующий атомный энергоблок, топливо для которого закупалось в США, и не достраивать второй, для которого мы успели кое-что поставить. От выплаты неустойки американцам Австрия попыталась было увильнуть, ссылаясь на форс-мажор, но не тут-то было. «Это не форс-мажор, а демократия, за неё надо платить». Деваться некуда, после такого заявления США Австрия уступила, а нашей стороне выплатила неустойку, не дожидаясь рекламации.

Италия, наш самый крупный заказчик, судя по всему, вовсе не собиралась заниматься атомной энергетикой. Её целью, как я понимаю, было сделать бизнес на обогащённом уране. Своей цели фирма «Аджип Нуклеаре» достигла: приобрела у нас по-дешёвке большое количество урана, и, выждав время, пока цена ЕРР зашкалила за 100 долларов, выставила его на продажу. Образовался так называемый вторичный рынок урана, от которого нам (УЭХК) ой как аукнулось. Но об этом ниже.

Иран. На смену прогрессивному шаху пришёл аятолла Хомейни. По мнению последнего, атомная энергетика - происки неверных, и, стало быть, в услугах германской фирмы «КВН», строившей там реакторы, Иран больше не нуждается. К этому времени «КВН» успела вложить в атомную энергетику Ирана 3 млрд. марок. Из сообщений зарубежных источников было неясно, входили ли в эту сумму затраты на закупку в СССР топлива для будущих электростанций. Так мы потеряли, не получив никакой компенсации, второго по объёму инозаказчика. «КВН» судилась с Ираном под арбитражем правительства Германии, но, скорее всего, безрезультатно.

В результате наши поставки на экспорт, достигшие максимума в 1979-80 гг., пошли на спад.

Кризис

С развалом СССР для промышленности по обогащению урана настали чёрные дни. В 1988-89 гг. прекратилось производство высокообогащённого оружейного урана, которое без проблем финансировалось из бюджета. Выпуск низкообогащённого урана для

отечественных атомных электростанций в связи с Чернобылем сократился, а главное, за него с 1992 года перестали платить. Из родственных предприятий «на плаву» оставался только УЭХК: удалось добиться открытия валютных счетов в двух банках, и на них с мая 1992 года стали поступать платежи за экспортную продукцию. Кроме того, экономическим службам УЭХК во главе с В. А. Налимовым удавалось кое-что получать на внутреннем рынке по разработанным ими цепочкам взаимозачётов невообразимой длины. Поддержать «падающие» разделительные предприятия можно было только за счёт распределения между ними заказа «Челнок». Квотированием заказа занялось 4 ГНТУ, сделав явной политику фаворитизма, проводившуюся преемниками А. Д. Зверева. УЭХК, не входивший в число фаворитов, при этом пострадал вдвойне: он потерял половину заказа в натуральном выражении, а часть оставшихся у него долгосрочных контрактов была замещена более дешёвыми контрактами вторичного рынка.

«Магазин»

Со вторичным рынком урана была связана ещё одна проблема, оказавшаяся по ряду причин очень серьёзной. Первые 12-13 лет работы на экспорт по долгосрочным контрактам были поистине золотым веком для технологических служб УЭХК. В самом деле, графики поставок на весь планируемый год представлялись инозаказчиками в апреле предшествующего года. Этих 8-20 месяцев было более чем достаточно для своевременной подготовки производства и наработки заказанных продуктов. Такой порядок не требовал создания запасов ранее наработанных обогащённых продуктов. Говоря языком плановиков, можно было работать при нулевом НЗП. Этот показатель - НЗП - планировался столь же жёстко, как объём выпуска товарной продукции, и любое отклонение в сторону увеличения считалось невыполнением плана со всеми вытекающими отсюда последствиями.

По мере вхождения во вторичный рынок положение коренным образом изменилось. Заказы стали поступать гораздо позже, порой за 2-3 месяца до поставки продукции заказчикам. Глядя на это, «долгосрочники» стали частенько нарушать контрактные сроки подачи заказов, как говорится, в явочном порядке. Однако наша технология обогащения урана не позволяла выполнить заказы в столь короткие

сроки традиционным способом. Нужен был запас продуктов, названный впоследствии «магазином». В этом «магазине» заказчик покупает то, что ему нужно, а владелец потом пополняет израсходованный запас. Как и в обычном магазине, немаловажным вопросом является ассортимент продукции. В данном случае речь идёт о количестве номиналов по урану-235. Американцы, как мы позже узнали, также реализовали идею «магазина», но в масштабе по весу на порядок выше нашего, и решили этот вопрос в своём обычном монополистском стиле. Например, так: «Вам нужен продукт с обогащением 3,25 %? Такого у нас нет, но есть продукты 3,2% и 3,4%, выбирайте». Для наших заказчиков таких ограничений не существовало. «Вам нужен продукт с обогащением 3,258 %? Пожалуйста». Но это отнюдь не означало, что такой продукт есть в «магазине». Там был, как и у американцев, ограниченный набор номиналов, перекрывавший весь диапазон обогащения от 1 % до 5 %. В данном условном примере нужный продукт получался на установке смешения из взятых в нужной пропорции 3,1 % и 3,3 %. Эта установка стала одним из самых необходимых звеньев технологического процесса.

«Магазин» на УЭХК был организован вопреки упорному сопротивлению некомпетентных чиновников 4ГУ и МСМ. Автор этих строк - автор создания «магазина» - вряд ли решился бы противостоять «всей министерской рати», если бы с самого начала не ощущал твёрдую поддержку директора комбината А. И. Савчука, роль которого в истории «Челнока», как и во всех других направлениях деятельности УЭХК, трудно переоценить. Конечно, в 80-е годы двадцатого века уже можно было не опасаться, схлопотав ярлык врага народа, загреметь на Колыму, но прозвище «человека, посадившего УЭХК в долговую яму», всё-таки было автором заработано на партсобрании заводоуправления. А дальше нагрянули две комиссии: одна из главка, другая - министерская. Первая - из начальников плановых отделов родственных предприятий, самых что ни на есть высококвалифицированных специалистов в то время в нашей отрасли, но не имевших ни малейшего представления о специфике экспорта. Их отрицательный отзыв о наших «новациях» вызвал к жизни вторую комиссию во главе с первым заместителем министра. Мой доклад высокую комиссию не убедил. До сих пор удивляюсь, как А. И. Савчук сумел убедить замминистра и тогдашнего начальника 4 ГУ, что мы в сложившейся ситуации нашли единственное правильное решение. Уезжая, в необходимости

«магазина» они уже не сомневались, но потребовали обосновать его размер: «Надо бы поменьше». В дальнейшем размер «магазина» устанавливался нами не больше, чем требовалось по объёму экспортных поставок, а не по «указивкам» чиновников. С тех пор и по сегодняшний день УЭХК на рынке урана может чувствовать себя уверенно.

Правда, к этому привыкли не сразу. После 1987 г. руководство комбината очень часто задавало мне такой вопрос «Вот тут заказчик NN спрашивает, можем ли мы поставить ему такое-то количество продукта такого-то обогащения к такому-то сроку?» Я отвечал, что при наличии у нас «магазина» всё зависит только от того, когда уважаемый NN сможет поставить в порт тару (контейнеры «30»).

Так оно и было. Ни одно из имевших место довольно частых отклонений от графиков поставок не было связано ни с отсутствием материала, ни с задержкой заполнения им контейнеров, ни с опозданием наших транспортов, что свидетельствует об эффективности «магазина», о безупречной работе всех технологических служб и отдела доставки грузов УЭХК. Все причины отклонений находились извне. Это - задержки поставок тары заказчиками, русский мороз (Ленинградский морпорт в отдельные зимы замерзал, а ледокол, увы, был всего один), и наконец, появилась Российская таможня, в задачи которой своевременное осуществление экспортно-импортных операций не входит, за исключением неукоснительного взимания пошлины с их участников.

Однако было время, когда у нас возникли проблемы с организацией движения своего транспорта.

Транспорт. Перевалочная база

В первые годы работы «Челнока» все импортно-экспортные грузы транспортировались морем на одном судне, приходившем из Гавра в Ленинград регулярно каждый второй и четвертый вторник, если, конечно, французские докеры не бастовали, например, в честь Октябрьской революции (было и такое...). Судно принадлежало одному из потомков графа Л.Н.Толстого и называлось «Бородин» («девичья фамилия» - «Бородино»). К приходу этого судна приурочивался приход в порт нашего ж/д транспорта. С ростом числа инозаказчиков и объема грузов привязка наших транспортов к приходу «Бородина» перестала устраивать и морпорт, и нас, а к 1977 году на

средства УЭХК была построена перевалочная база в Капитолово, пригороде Ленинграда. Размеры главного корпуса базы, где временно складировались пустые и заполненные контейнеры, впечатляют. Приходилось слышать шутку, что футбольный клуб «Зенит» просил сдать это помещение в аренду для зимних тренировок. Шутки шутками, но вот уже 25 лет база успешно работает, несмотря на то, что подъездные пути базы, зажатые на небольшом пятачке без перспективы расширения, позволяют разместить одновременно очень небольшое количество ж/д платформ.

Доставку контейнеров на перевалочную базу из порта с тех пор на договорных началах с УЭХК осуществляло ЛМО ВО «Изотоп» (современное название СП ФГУП «Изотоп»). Сначала это был Ленинградский морской порт, позднее, в зависимости от типа контейнеров, Рижский и Ленинградский, и, наконец, только С. Петербургский. Туда же отправлялись с базы контейнеры с готовой продукцией.

Одно время я усердно собирал в отдельную папку то, что попадало в нашу открытую прессу об урановой проблеме, но довольно скоро прекратил это занятие, убедившись, что всё это «бред сивой кобылы». С очередным «бредом» в связи с войной в Ираке можно ознакомиться в еженедельнике «Версия» в номере от 24.03.03. Были, конечно, и исключения, если они не являлись отечественным творчеством, а представляли перепечатки из иностранной прессы. Вспоминаю об одной из них, имеющей непосредственное отношение к «Челноку».

«Мон-Луи»

По каким-то причинам в конце августа 1984 года вместо «Бородина» вышел в рейс из Гавра контейнеровоз «Мон-Луи», на котором в числе прочих грузов находилась партия контейнеров типа «48» с сырьём для УЭХК по контракту с одной из западногерманских фирм. В Северном море «Мон-Луи» столкнулся с немецким судном и затонул у берегов Бельгии «на небольшой глубине». Недели через три контейнеры достали через проделанную в корпусе пробоину, при этом ни один из контейнеров «не дал утечки содержимого». Потом - газеты об этом уже не писали - контейнеры прибыли на УЭХК и были использованы в установленном порядке, поскольку не имели никаких повреждений, а немного больше ржавчины, чем обычно, не помешало нормальной работе.

Немецкая «пунктуальность»

Другой случай, уже не из «транспортной оперы», характерен тем, что заставил меня пересмотреть некоторые свои взгляды-стереотипы. Нам всё время внушали, что немцы - образец пунктуальности, аккуратности, экономности и т. п., не чета нам, русским. И я так думал до поры до времени...

Немецких фирм, с которыми УЭХК в разное время заключал контракты на поставку нашей продукции, было семь, в том числе фирма «RWE». Поставляемые ею пустые контейнеры «30», как обычно, взвешивались и у заказчика, и на УЭХК. С определенного момента вес, измеренный на «RWE», согласно их документам, стал превышать наш вес, и так в каждом контейнере. Там, где эта разница не выходила за пределы допуска, мы, согласно контракту, были обязаны принимать вес заказчика, хотя были уверены, что он неправильный. А это означало, что фактически мы отгружали продукта больше, чем по документам. Нас такое положение, понятно, не устраивало, и мы неоднократно уведомляли об этом фирму с просьбой разобраться. В ответ получали бумаги, написанные натуральным «хлюстом». Хлюст, по Л. Соболеву («Капитальный ремонт») - это бумага, составленная человеком, понимающим, о чём пишет, но так, чтобы адресат ничего не понял и отвязался. Такая переписка длилась до тех пор, пока в нашем главке не поняли, что с потерями продукта пора кончать, и тогда был командирован на фирму Б.Чернобровкин. Прибыв на место, он потребовал, чтобы ему разрешили присутствовать при взвешивании пустых контейнеров. Как мы и предполагали, при этом защитные колпаки вентиляей не снимались. На УЭХК взвешивание, согласно контракту, производилось без этих колпаков. Всё стало ясно: ошибка фирмы. Скажете, с кем не бывает... Но послушайте, что было дальше. Составили черновик протокола, в котором были расставлены все точки над *i*. Но с оформлением чистовика фирма не торопилась. «Мы привезём Вам протокол для подписания в аэропорт», - сказал герр Фишер Чернобровкину. И привезли... Факт взвешивания контейнеров без снятия колпаков из протокола исчез: это, мол, погрешность весов. Видимо, Фишер рассчитывал, что в предполётной суматохе Борис Иванович подмахнёт протокол, не глядя. Но он-то, в отличие от некоторых простаков, знал, на что способны эти «пунктуальные и

аккуратные». Говорят, Фишера уволили, но денежки-то наши плакали...

Таможня

Пока был жив СССР, мы на УЭХК и не подозревали о существовании таможни, хотя она, конечно, была в Ленинграде, где наши импортно-экспортные грузы, наверно, проходили какую-то таможенную очистку, которой занималось ЛМО В/О «Изотоп». Насколько я знаю, у «Изотопа» не было никаких проблем с таможней: правительством утверждался список грузов, в том числе наших, которые подлежали беспрепятственному пропуску.

Но вот, как говорят в Одессе, в один приличный день 1992 года наша нормальная работа кончилась: на нашу голову свалилась Екатеринбургская таможня, а над ней ещё и Уральское таможенное управление. С самого начала таможне было безразлично, кто стоит в многочисленной очереди декларантов, желающих заплатить пошлину и получить заветную печать на таможенной декларации: представитель такого гиганта экспорта, дающего таможне 30% сборов, как УЭХК, или мелкий предприниматель. Очередь втискивалась в тесное помещение, где негде было даже присесть. И уж совсем неинтересно таможенникам, что наш декларант может не успеть пройти эту очередь до конца дня, а завтра с УЭХК должен уйти ж/д транспорт, чтобы успеть к приходу судна в С-Петербург.

Эта невыносимая ситуация длилась почти год, по истечении которого в Новоуральске появился постоянный представитель Екатеринбургской таможни в ранге инспектора. На месте он мог принимать таможенные декларации и производить досмотр грузов, но и только... По любому, самому мелкому вопросу он ездил в Екатеринбург к своему начальству. Вопрос о создании в Новоуральске таможенного поста, который, по положению, будет обладать определенной автономией, так и не решён, несмотря на наши неоднократные обращения во все инстанции, вплоть до ГТК. Формально все - «за», а вот поди ж ты...

Появление у нас инспектора таможни сняло только одну из проблем. Другие возникали одна за другой. Тому были две главные причины.

Первая: правила игры таможня меняла, как перчатки. У неё, как говорится, всегда семь пятниц на неделе. Сегодня она требует один

оправдательный документ, завтра - другой, и т. д. Тем, кто, как и я, выражал своё недоумение, предлагали заглянуть в таможенный кодекс, в котором было записано, что таможня имеет право требовать любые документы. Но это сообщалось, как сейчас говорят, без протокола, официально же таможня ни на какие запросы не отвечала. Впрочем, кодекс довольно быстро устарел, и таможня стала руководствоваться не его статьями, а несметным количеством подзаконных актов и положений, которые в разных таможнях трактовались по-своему. УЭК не раз был свидетелем и жертвой «нестыковки» Екатеринбургской и Балтийской таможен, на которую накладывался махровый бюрократизм этих заведений.

Вторая причина - полное недоверие к любому слову, любому документу УЭК. Как я понимаю, это было кредо таможни: все её клиенты - потенциальные жулики и контрабандисты, и её задача - вывести их на чистую воду. А вот и примеры.

В основу расчётов показателей сертификатов, и, следовательно, наших таможенных деклараций положены две физические формулы: норма расхода сырья и норма работы разделения. Эти формулы приведены во всех учебниках, а также зафиксированы во всех контрактах по «Челноку», выписки из которых предъявлялись таможне. Но ей этого, оказывается, было мало, она требовала заключения независимой экспертизы. Но не всякая экспертиза ей подходила, она отвергла несколько наших предложений и согласилась только на УГТУ-УПИ.

Однажды к нам пожаловали гости - трое таможенников из Екатеринбурга: «Мы из отдела борьбы с контрабандой. У нас есть основания подозревать, что вы можете воспользоваться своими экспортными перевозками для контрабанды в том или ином виде. На первый случай при досмотре грузов перед их отправкой с комбината будем проверять состав содержимого контейнеров. С этой целью мы приобрели прибор, который, будучи приставлен к поверхности контейнера, покажет нам, в частности, каков действительный, а не декларируемый вами изотопный состав урана, нет ли там плутония или еще чего-нибудь. Погрешности прибора? Для нас это неважно, мы ему верим, ведь мы заплатили за него немалые деньги. На следующем этапе мы надеемся приобрести и применить приборы, которые выявят, где вы можете прятать наркотики, золото или ещё что»... Но это же бред, скажете вы. Увы, нет. Всё так и было: чудо-прибор приставляли к

контейнерам несколько лет, пока он не вышел из строя. Что показывало это оружие таможни - тайна, покрытая мраком.

Послесловие

«Чем занимаешься?» - спросил меня в телефонном разговоре мой давний знакомый. - «Да вот, мемуары пишу». - «Ну, ну, пиши, только не болтай лишнего, а то посадят, как Г. Пасько».

А может, не посадят? На «японского шпиона» я не тяну, и вообще меня как вполне законопослушного подопечного соответствующая служба почти 50 лет опекала очень даже нежно, и теперь, надеюсь, тоже будет снисходительна. Кстати, вопрос «На что я могу надеяться?» - самый первый из трёх главных в философии Канта.

У Олега Митяева в одной из его песен есть замечательные слова:

«Хочется по-старому чем-то дорожить»...

Я дорожу тем, что сделано, и теми, кто это сделал.

ГРАФОМАШКИ

Диссертантам, защищавшимся на Ученом Совете УЭХК 15.06.78

В. К. Курушкину

Вы выбрали удачный путь,
Чтобы под юбку* заглянуть.
И очень точно рассчитали,
Какие там под ней детали.

В. С. Каряжину

Ты уточнил эффект первичный.
И это сделано отлично.
Но что такое аномалия,
Понять смогу едва ли я.

С. П. Селифанову

Диссертант Селифан
Астрономов удивляет:
Он Плутон и Уран
В ЭВМ наблюдает.

В. К. Рогожникову - эрудиту

Сегодня отдал дань я новой размышлине.
Никто не скажет про тебя: «Профан»,
Коль «Ното sum" ты помнишь по-латыни,
Иль, выходя, промолвишь: «пур лё гран».

1980 г.

Мораль

Мораль вот эта - не лапша на уши:
Коль хочешь уваженье заслужить,
Будь первым, когда надо слушать,
Последним, когда надо говорить.

1990 г., ноябрь

* Часть центрифуги

Вразрез

К жене, как и к власти,
Вразрез отношусь,
Иначе никак не могу я:
Немножко люблю, немножко боюсь,
Немножко хочу другую.

1996 г., март

Ротозеи

Что осталось от страны, от Расеи?
Потому как были мы ротозеи:
Борю Ельцина избрали заедино,
Видно, лаптем щи хлебали, дурачины.

1998 г., октябрь

Выбор

Над тяжкой задумайтесь долею,
Хоть это не очень приятно:
Кем стать вы хотели бы более -
Уволенным иль беззарплатным?

1998, ноябрь-2000, декабрь

Рецензия на поэтический сборник «Грани»

Все в сборнике, казалось бы, на месте:
Бумага, переплёт - всё честь по чести,
И опечатки есть, и даже есть картинки.
А есть ли интересные новинки?
Да, есть, но если, братцы, честно,
Всё интересное старо, а новое - неинтересно.

1999, июнь

Тост

За женщин сказано уже
Тостов мильён, не меньше.
Я тоже пью за же..., за же...,
За наших милых женщин!

2000, февраль

Мечта

Уж сколько лет живу и жду-пожду,
Когда у нас такая власть явится,
Чтоб не врала, не вымогала мзду,
Не воевала бы ... Тогда ей всё простится.

2000, январь

Беда?

Беда, беда... А может, и не очень?
Таких, как вы, немало среди нас:
Она горазда лечь, но не охоча,
А ты охоч всегда, но не горазд.

2002, декабрь

А что теперь?

Мы свято верили вчера,
Что все менты - не мусора.
Прошли года. А что теперь?
Чужой в ментовку стала дверь.

2003, январь

Истина

Усвоил я на склоне дней
Простую истину - не враки:
Чем лучше узнаёшь людей,
Тем больше нравятся собаки.

2003, февраль

TV - шоу

Любое телешоу
Совсем нехорошоу.
Глазеть на шоу тупо -
По меньшей мере, глупо.

2003, март-апрель

«Герои»

Кто звучит у нас в стране?
Кто у нас герой?
Одна попса, сдается мне,
Прославлена страной.

2004, январь

Зачем?

Мои понятия - что обноски.
Хоть кто бы внятно мне сказал,
Зачем обычные подмости
Мы превращаем в пьедестал?

2003, июль

Смерть олигархам!

Неплохо звучит во всем мире,
Немного похуже - в Америке:
«Мочи олигархов в сортире,
Но только, смотри, без истерики!»

2003, ноябрь

Меч и щит

От воров карман трещит.
Где найти от них защит?
МВД - наш меч и щит,
Пусть преступник трепещит!

2003, ноябрь

Ненароком

Ненароком, ненароком
Путин вдруг увлекся роком,
Вдруг Б. Г. он заприметил
И наградою отметил.

2003, декабрь

